

ВЛАД САВИНН

ПОЭЗИЯ
НАВЫЛЕТ

Влад Савинн

Поэзия Навылет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385136

ISBN 9785449834744

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Поэзия навылет» – ни что иное, как художественная форма правды в самом чистом виде поэта, дружбой с которым я могу гордиться. Мне глубоко импонирует то, что ни в гражданской, ни в любовной лирике Влад не кривит душой и оттого его стихи – незамутненное отражение духа времени. Для подобной поэзии, помимо таланта, нужна немалая смелость, отречение от собственного комфорта и безопасности. А это невозможно без огромной любви к слову, человеку и своей стране. Сергей Пароходов (Господин Литвинович).

Содержание

Город мой	8
Не Тарковский	9
Питер	10
Дегустация	11
Желание	12
Просветление	13
Конечно же, я умирал	14
Увечье	16
Бог войны	17
Памяти поэта Бориса Рыжего	18
Перерождение	19
Глубина	20
Звезда	21
Противостояние	22
Времена	23
Пешка	26
Дуэлянт	27
Тоска	28
Чумной доктор	30
Пиит	31
Монастырский сад	32
Улей	33
Праведники	34

Мысли	35
Новый мир	36
Не суди	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Поэзия Навылет

Влад Савинн

Эпиграф

Редактор Людмила Шилина

Дизайнер Елизавета Пуцейко

Муза Екатерина Савина

© Влад Савинн, 2021

ISBN 978-5-4498-3474-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В чем состоит ключевая задача поэта?

Создавать новые смыслы.

Когда поэт создает новые смыслы, он выходит из под абсолютной власти поэзии. И парадокс состоит в том, что все известные нам поэты, как раз те, кто смог выйти из-под губительной власти уже существующих поэтических образов.

Поэт это прежде всего его язык – образный, точный, индивидуальный и яркий.

Я пишу личные стихи. Абсолютно свои. Рождаюсь и умираю вместе со своими героями. Их

дыхание – мое дыхание. В них раскрывается мой характер и распахивается моя душа.

Иногда я пишу собственные стихи, либо читаю чужие, с бокалом виноградного вина в руке. Делая глоток за глотком. Наслаждаясь самим процессом и невероятной красотой русского языка.

Попробуйте. В этом есть какая-то магия.

Я абсолютно уверен в том, что когда-нибудь настоящую поэзию начнут продавать в винных бутиках, как аксессуар к дорогому вину. Потому что поэзия создается не для книжных магазинов. Поэзия создается для людей, у которых есть вкус. И нужна она только им.

Вкус к пище открывает нам дверь в мир высокой кухни. Вкус к одежде – в мир высокой моды. Вкус к слову ведет нас в долину высокой поэзии.

И как раз из-за дефицита в этом мире людей, обладающих хорошим вкусом к слову, у истинной поэзии намного меньше почитателей, нежели у массовой.

В каждое произведение из этого сборника я старался заложить особую силу. Силу, которая поможет выстоять слабым и обрести уверенность – растерявшимся. Силу, которая способна вернуть человеку себя, либо сделать его лучше себя вчерашнего.

Но прежде всего, все свои стихи я наполнял правдой. Правдой крутых характеров, правдой боли и нежности. Правдой жизни.

И если после прочтения этого сборника, вы ощутите на себе эту правду и почувствуете эту силу, я смогу

по праву называть себя поэтом.

Влад Савинн

Город мой

По заснеженным улицам как-то шагал,
Псом бездомным дворами вился я.
В этом городе вырос когда-то Шагал.
В этом городе где-то родился я.
Белокаменных храмов молебный звон,
Ледящих ветров объятия.
Нерожденных поэтов пустынный трон,
И уездных равнин проклятия.
Липкий снег становился в руках водой,
Оставляя предчувствие скверное —
Я вошел в эту странную жизнь с тобой,
А уйду без тебя, наверное...

Не Тарковский

Снято. Отыграно.
Сразу озвучено.
Болью оплачено
То, что дано.
Другу подарено,
Недругу всучено —
Жизни моей
Игровое кино.
Пусть не Тарковский,
И гений сомнителен,
Тот, что из мрака
Цеплялся за свет.
То, что отснял я,
Скорее сомните вы —
Я не Тарковский...
И вряд ли поэт.

Питер

В естественном ритме шагов
Я пройдуь мимо зимнего сада.
Мимо вдумчивых глаз чудаков,
Уходящих от колкого града.
Пробегу вдоль каналов прямых,
Ледоходом куда-то идущих.
Мимо вахтенных мачт световых,
Ледяные мосты стерегущих.
И подобно прохожим твоим,
Этот день навсегда растворится.
Нету дня,
Что идёт за другим.
Есть лишь тот,
Что возможно продлится...

Дегустация

Я по-питерски пробую жить,
Начинённость смакуя людскую:
Острым голосом головы вскрыть,
Превосходность пролить показную.
Часто вина без сроков и лиц,
Вместо сухости в них – обречённость
От попыток за сладостью скрыть
Пустотелость и пустодуховность.
Я по-питерски пробую слыть:
Блоком каменным,
Камерным Бродским —
Их запойно стаканами пить
И похмелье лечить
Маяковским...

Желание

Я хотел бы сегодня пройтись сам с собой,
Эту чёртову жизнь посчитав опечаткой...
Просто взяв свою детскую руку рукой,
Защищённой от холода взрослой перчаткой.
Посмотреть сверху вниз на того, кто пока
По наивности лет ни в кого не играет.
Кто руками готов был достать облака,
Не страшась ничего, что его ожидает.
Нам бы было о чем помолчать у реки,
Млечный путь наблюдая сквозь звездные дали.
И как утром все также стоят рыбаки,
Как в ту осень, когда мы друг друга не знали...
Я хотел бы вчера пробудиться тобой,
Детских рук не скрывая за грубой перчаткой.
Твою взрослую жизнь снова сделать такой,
У которой не будет ни дня с опечаткой...

Просветление

Я полюбил кричащих врагов,
Бьющих с неистовой дрожью,
Больше, чем тех, кто с улыбкой богов
Слова заправляют ложью.
Их хлебосольное щедрое «Да»
«Нет» означает чаще.
Ведь это они сдают города
И яд подбирают слаще.
В их слабых руках не видно мечей,
Заточенных фраз не слышно...
Но спины наивных от острых речей
Усеяны иглами пышно.
Я полюбил молчаливых друзей...
Больше друзей мычащих.
В день, когда вдруг оказался один
Врагов посреди кричащих.

Конечно же, я умирал

Мне кажется...

Я уже умирал,

Возможно, в безлюдной пустыне от зноя...

Или когда Эверест покорял.

А может...

Когда убегал от конвоя.

А может,

За тот страшный миг,

Пугающий грохотом миг,

До новой атаки смертельной

В момент,

Когда тихо молитву читал,

Наверх выползая из ямы траншейной.

А вдруг...

Это я был тогда:

В открытой воде,

В морском том бою,

На плане переднем,

В тот час, когда шхуну пробил ядром,

И именно я...

Оставался последним,

Лежащим на ней с перебитым бедром.

Конечно же, я умирал...

Не раз
И не два —
Над каждой историей,
С каждой строкою.
И вместе с героем моим
Умирала глава
Теперь уже жизни моей,
И тоже...
Придуманной кем-то такою.

Увечье

Воткнул бы кто-то

Под глаз нам спицу...

Еще бы орден воткнуть под грудь бы...

За то, что в людях мы видим лица.

А надо судьбы...

А надо судьбы...

Бог войны

Мне осталась такая малость...
Докурить сигарету и встать.
Распылить ураганами ярость,
Страх и ненависть ветром раздать.
Вскрыть разрывом густые туманы,
Тишину перерезать клинком,
На трусливых расставить капканы
И отважных засыпать песком.
Свежей кровью наполню каналы,
Заглушу перестуки сердец.
Подпалив боевые запалы,
Долгой жизни приближу конец.
Не услышу я крик о пощаде,
Наплевать мне на жалость и боль.
Умирайте, сражаясь в засаде!
Над собою теряя контроль...
Трупным запахом воздух наполню,
Кости павших смешаю с землёй,
Списки мертвых глупцами пополню...
И накрою их труп простыней.

Памяти поэта Бориса Рыжего

А я никуда и не уходил...
Вы, видимо, неважное упустили:
В обратную сторону от перил
Смотрели, пока мы по ним ходили.
Вы жизнью собственной увлеклись,
Но это было всегда у каждого:
Не замечать не своих смертей,
Летящих с дома многоэтажного.
Вам показалось, что я шутил.
Несчастливым часто что-либо кажется...
Свободным хочется вдоль перил
На шаг танцующий вдруг отважиться.
Мне было важно, чтоб без оков.
Без слез, без роз и без суеверия.
Я всех любил. Без дураков...
Без фарисейства и лицемерия.

Перерождение

Что-то в капли...

В капли душа моя собирается,

Конденсатом свисая

Под легкими.

Это снова погода во мне меняется,

Скоро снова прольюсь я дождями высокими...

Скоро грома раскаты пробьют тишину,

Станут молнии бить переливами...

Выжигая под сердцем прибитую светом вину,

Оставляя зарубы на нем...

С сине-алого цвета отливами.

В этом действии нет никакой ворожбы,

Сатанинского нет наваждения.

Это так отделяется грех от вины

В результате перерождения...

Это как после душного мертвого сна

Через муки мой разум блаженствует,

И поэта в лиловых чернилах душа

Сквозь страдания себя совершенствует...

Глубина

Из всего, что он нажил,

Нет барахла.

Нет и дома со скатными крышами.

Нет стальных экипажей, коллекций вина...

И друзей с притязаньями высшими.

Его суть от бессмыслицы отделена,

Скопидомство над сердцем не барствует.

У него есть немного —

Его глубина...

Лишь она его разумом властвует.

И пусть кто-то не смог до конца понять,

Разгадать его коды вводные.

Это все потому, что не каждый нырять

Соглашается в воды холодные...

Звезда

Опустилась звезда...

Вниз.

Поспешу я её обнять...

У звезды этой свой каприз:

Она хочет лишь мне сиять.

Она будет светить в ночь,

На плече у меня спать.

Я хочу от звезды дочь,

Чтобы звёздным отцом...

Стать.

Противостояние

Через фильтры обратного осмоса
Я бы жизни свои пропустил.
Парадоксы молчания космоса
С этим космосом обсудил.
Сделав тело разменной монетою,
Расплатился бы с миром сполна.
В южном небе сигнальной кометою
Завершилась бы наша война.

Времена

Я пью «Шевалье»...

И отчетливо вижу

Сквозь призму бокала

И алое тело вина,

Как взгляд короля леденеет над плахой.

Как плоть коченеет его

Под промокшей от первого снега рубахой.

А сверху над городом грозно кружат времена...

Драконом садятся они

На торчащие скалами кроны,

На площадь из гладкого камня,

Лежащего темным ковром.

Сегодня тела венценосцев

Безмолвно кроют топором.

Вчера же их той же толпою сажали на троны...

Я слышу...

Как тело кадавра в промасленный холст завернули.

И бросили яростно в мир вековой паутины.

Как хор кровожадных безумцев

В обличье бездушной скотины

Горланит, что миру свободу ножами вернули.

Я запахи чую...

Как кровью запекшейся

Сводят былые законы.
Которые стрелами били,
Впиваясь в преступные спины.
Теперь эти спины —
Вельможи стальной гильотины.
Срезающей лезвием
Головы прежней короны.
Какие же вы
Ненасытные...
И в хруст костяной переломные —
Лихие,
Дремучие,
Тёмные...
Дыханием жизни
Сердца вы топили бездомные.
Дыханием смерти
Сжигали низы и породы.
Вы мощи святых
Опускали в червивые воды.
В купелях священных чертям
Подбирали глубины укромные.
Величиям прежним
Вы с лёгкостью лживых блудниц изменили.
В закрытые храмы
Смогли самовольно войти.
Несокрушимых когда-то

Не сразу,
Но вы сокрушили.
Непревзойденных сегодня
Вы завтра смогли превзойти...

Пешка

Линия жизни квадратного города
Вновь по касательной к жизни моей.
Нет для убитого лучшего повода,
Чтоб пережить перехлёсты страстей.
Шахматы белые. Шахматы чёрные...
Клином ударным прижмутся в броске.
Сгинут фигуры за тезисы вздорные,
Схожих с собой хороня на доске.
Битвы закончатся. Кости смешаются.
Троны настроятся к новой войне.
Все, кто погибли – опять воскрешаются,
Прежний азарт умножая вдвойне.

Дуэлянт

Посвящение А. С. Пушкину/

Почему бы тебе не вернуться...
Той же степью навязанной смерти.
В чёрствый век с головой окунуться,
Стихотворный роман завертеть бы.
Насладиться туманным закатом,
Выйдя из дому полом скрипучим.
Честь отдать бутафорским фрегатам,
Поражённным бездельем дремучим.
«Год какой?» – на мосту ты спросил бы,
Отряхнувшись от склеповой пыли,
Накрошив сухарей сонным рыбам,
Что на крошечный ливень приплыли.
Побродил бы тенями ночными,
Вспоминая о жгучей дуэли,
И как лекарь щипцами свечными
Прижигал твои раны в постели.
Только нам никогда не встречаться...
Подкурить бы...
Да где ж от свечи...
Вот молюсь,
Чтоб как ты не стреляться,
С теми, кто петушинно кричит...

Тоска

Как часто, скучая по Пушкину,
С невысказанною тоской
Иду через рокот пушечный
Туда, где царит покой.
В тот дом, где диванов бархаты
Столетним огнем горят.
Где пола резные пахоты
Поэта следы хранят.
Скучаю по шуму осени,
По взмаху его пера,
По зимним деревьям с проседью,
Стоящим среди двора.
Тоскую по скверу людному,
По каменному мосту,
И по умению чудному
Словами делить версту.
Ах, если б на день изменником
Законов, кующих смерть,
Я стал бы его современником,
Чтоб дома его запереть.
Рубаху надеть крахмальную
Под чёрный литой сюртук,
И мчаться на речку печальную
Вдоль петербургских лачуг.

Под взглядами секундантскими
Не с мезтью и не в урок,
Взглянул бы в глаза поручику
И плавно спустил курок...
Похлопав рукой ретивого
Сквозь холод январских пург
Навстречу другой истории
Вернулся бы в Петербург.
— Ах, Александр Сергеевич... —
Не укpывая слез,
Сжимая творца в объятиях,
Я тихо бы произнёс...

Чумной доктор

Идущий под ливнем сливается с полночью,
В дороге встречая холодный рассвет.
Он был просвещённым
И был первой сволочью,
С которой просвета священного нет.
Телами чумными заполнены улицы,
Идущий на смерть запечатал конверт,
В котором: «Я верю, что всё образуется...»
А сверху: «Прочсть через тысячу лет...»

Пиит

Твердили —
Время не остановить ему.
И невозможно сделать ничего такого,
Чтобы зигзаг пространства,
Очертив дугу,
Утратил в миг /какой-то/
Статусность витого.
Струной во мглу сыграла паутины нить,
Когда в один из мерзлых дней,
Сидя под пледом,
Он захотел часы в углу остановить
И бег по кругу,
Очертевшему при этом.
Запнулись стрелки,
Упираясь в перст.
Запнул он время,
Прыгая с витого
/Витка пространства/
На трёхмерный крест,
Сойдя на миг
До уровня Святого...

Монастырский сад

Я посадил в монастырском саду,
Снятые с тела одежды.
Чтоб проросли они в нашем аду,
Рощами став для невежды.
Пусть опылит их встревоженный рой,
Нити пыльцой наполняя,
Чьей-то надеждой шумя над землёй,
К сладкости горечь склоняя.
Я посадил в монастырском саду
Поднадоевшее тело...
Чтоб проросло оно в новом году,
Тем, кем всегда хотело.

Улей

Мы те же пчёлы, что не видят пчеловода.
Не замечают рук его и то,
Как трепетно заботятся о них.
Мы также, как они:
Не примечаем ни бровей седых,
Ни глаз хозяина пчелиного завода.
Выходит, что для пчел
Мы те же боги...
А для богов мы кто?
И боги кто для нас?
Усталый пасечник?
А может, медоед коротконогий?
Или паук, кормящийся
Нутром жужжащих масс?

Праведники

Они, вероятно, не просто так...
И не случайными в мире были.
Сводя не свои берега в мосты,
Под их же пролётами часто жили.
Сжигали доугольно тяжкий грех,
Сминали оковы стальные бумажно.
С высоких крестов убеждая всех,
Что жизнью делиться не так уж страшно.
Что стоит порою навек умереть...
За друга, поступком предавшего кровно.
За совесть, уставшую в сердце болеть,
И за святую любовь, безусловно.
Что можно вот так, навсегда уйти!
Где в стены вмерзая, где тлея отважно...
Чтоб праведной смертью до нас донести,
Что в жизни неправедной было важно.

Мысли

Когда камни кидает в тебя толпа,
Оказалось, что с этим легко смириться.
Ощущаешь удары и боль тогда,
Когда в ней промелькнут знакомые лица...
Мысли.
Мысли...
Энергия верхних частот...
Ну доколе мне ваших чертей стыдиться?
Лучше б в морду...
Болезненно...
Врезал тот,
С кем вчера отказался я в хлам напиться.

Новый мир

А представьте себе на минуту...
Камни алые...
В скованных льдами
Разбросанных лужах.
И листва...
Ярко-красная кружится
В белых отчаянных стужах.
И ночной небосклон...
И летящая в небе бездонном
Седая комета,
Из какого-то мира сурового...
И трава...
Тоже в белом снегу!
Но оттенка другого,
Безмерно-бордового...
Это бело-пурпурного цвета зима,
Вдруг сменила такое же алое лето
Мира нового...
Также живущего в космосе где-то...

Не суди

Клеймён!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.